

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С. Г. ПЕН,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и
криминологии КазГЮУ, к. ю. н.

В статье выдвигается несколько авторских тезисов о причинах принятия различных процессуальных решений. Автор предлагает сосредоточить внимание исследователей на закономерностях уголовно-процессуального правоприменения. Увеличение требований и правил, ужесточающих гарантии по соблюдению законодательства вне связи с анализом очевидных, лежащих на поверхности, причин нарушений того или иного процессуального порядка, не приносит ожидаемого эффекта и смещает развитие уголовно-процессуального законодательства в неверном направлении. В статье изучаются случаи, когда практика правоприменения оказывает обратное влияние на законодательство и корректирует право.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальный кодекс, уголовный процесс, предупреждение преступлений, уголовное дело, социология, правоприменение.

В настоящее время существует немало подходов к теоретическому осмыслению и законодательной регламентации правоприменительной практики, однако доминирующим, к сожалению, остается субъективно-ведомственный, основным недостатком которого является рефлексия в правотворчестве, оперирование следствиями, а не причинами и системный дисбаланс в сторону лоббирования интересов конкретных ведомств.

Средством преодоления указанных негативных явлений может стать более пристальное изучение условий, в которых реализуются нормы права. Поэтому следует согласиться с профессором Лупинской П. А., которая указывала, что «необходимость и полезность формализации права имеет определенные границы, пределы, обусловленные необходимостью учитывать особенности конкретной обстановки, своеобразия ситуации»¹. Кроме того, некоторые авторы обосновывают также необходимость изучения так называемой проблемы социологического способа толкования норм права, ибо ее решение позволит сделать правоприменение в сфере охраны эффективным и в юридическом, и в социальном аспектах².

© С. Г. Пен, 2014

¹Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 52-53.

²Марфицин П. Г., Кожевников В. В. Социологический способ толкования норм права и проблемы усмотрения в правоприменительной деятельности в правоохранительной сфере // Средства и методы эффективного воздействия на преступность и иные правонарушения. Омск, 1998.

Также, в рамках озвученного круга проблем, не могу не упомянуть весьма интересное с эмпирической точки зрения издание «По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России», опубликованное в 2014 г. и описывающее основные события и конфликты в сфере законодательства и правоприменения в России периода 2009–2013 гг. В аннотации авторами указано, что «все тексты объединяет общий подход: понимание того, что законы принимают и применяют организации и группы людей, у которых есть свои интересы. Ключ к улучшению правовой среды, инвестиционного климата, общей безопасности граждан – не в принятии бесчисленных поправок к законам, а в организационном изменении судов и правоохранительных органов»³.

Как видно, для довольно внушительной части научного сообщества конкретные условия правоприменения приобретают все более заметную роль в попытках гармонизировать действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Основываясь на историческом анализе, некоторые авторы выделяют в уголовно-процессуальной науке две относительно самостоятельные школы – позитивную и социологическую, которые поочередно преобладают на разных исторических этапах развития государства. Такие школы существенно отличаются используемыми подходами к познанию процессуально-правовых проблем⁴. Ранее мы обращали внимание на несколько гипотез, которые, на наш взгляд, не учитываются в законодательном регулировании уголовного судопроизводства. Идея искать причины многочисленных нарушений требований уголовно-процессуального закона, в первую очередь, не в правовой ткани судопроизводства, а в некоторых «законах поведения правоприменителя», позволяет сложить целостную трехмерную картину и правильно определять «болевы точки» в уголовно-процессуальном законодательстве. Необходимо уточнить, что в нашем представлении речь идет не о приспособлении норм права под эксцессы правоприменения, а о выработке стратегии законодотворчества, в которой, помимо других традиционных факторов, уделялось бы внимание тем проблемам правоприменения, разрешение которых не до-

³По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России / под ред. Волкова В., Трудолюбова М. М.: «Альпина паблишер», 2014. – 332 с.

⁴Смирнов Г. К. Школы и направления уголовного-процессуальной науки // Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. Санкт-Петербург, 5-6 октября 2005 г. / Под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. – 192 с.

стигается императивными, но, в то же время, заведомо декларативными методами⁵.

При этом, подобного рода исследования на систематической основе проводились еще более 40 лет назад⁶, но в настоящее время в недостаточной степени сопровождают законодательные инициативы в сфере уголовного судопроизводства. Мы планируем в серии публикаций отразить результаты исследования различных гипотез, феноменов и явлений социологического характера, выступающих детерминантами системных проблем правоприменения и, как следствие, неэффективных отдельных правовых норм и институтов уголовно-процессуального законодательства. В рамках настоящей статьи обратим внимание на явление, условно обозначаемое нами как «точка необратимости» в ходе производства по уголовному делу и рассмотрим ее как девиантогенный фактор, поскольку правовые последствия оцениваются как негативные для объективного расследования дела.

Термин «девиантогенность» более присущ социологическим научным исследованиям⁷, однако уже долгое время употребляется в сфере правового регулирования⁸. Более того, выйдя за рамки социологии, психологии и криминологии, данное направление исследования обособилось в самостоятельную отрасль научного знания⁹. В дальнейших исследованиях мы неоднократно будем обращаться к трудам такого выдающегося ученого как профессор Гилинский Я. И., фактически основавшего российскую девиантологию¹⁰, так как многие категории и определения, сформулированные им, послужили эталоном для последователей изучения этого феномена в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений.

По нашим соображениям, рано или поздно в ходе расследования возникает некая хронологическая и фактологическая «точка необратимости», после которой следователь (дознатель) наиболее всего становится связан своими предыдущими решениями и поэтому заинтересован только в конкретном исходе (направлении уголовного дела в суд с обвинительным заключением).

Начиная с возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, а затем, принимая решения о задержании, о предъявлении обвинения, об избрании меры пресечения, на каждом из

этих этапов расследования следователь (дознатель) чисто гносеологически уже не заинтересован в объективности добываемой информации, так как любую информацию он подвергает обвинительной интерпретации. Понятно, что попытки, как и любой другой незаконный метод расследования, будут им если не поощряться, то, как минимум, латентно инициироваться, так как соответствуют целям и задачам обвинительного итога расследования¹¹.

Более того, логика движения уголовного дела предполагает прохождение нескольких последовательных этапов (стадий), которые в теории уголовного процесса разделяются по признаку наличия итоговых процессуальных решений, завершающих тот или иной этап расследования. Очевидно, что субъекты, принимающие подобные решения, только увеличивают потенциал необратимости производства по уголовному делу, так как увеличивается количество должностных лиц, вовлеченных в это расследование и каждое процессуальное решение на последующей стадии увеличивает инертность траектории уголовного дела. В подтверждение этого тезиса приведем весьма показательное соотношение процента оправдательных приговоров в Республике Казахстан, на которое постоянно ссылаются правозащитники: «если в судах общей юрисдикции процент оправдательных приговоров составляет не более 1 %, то в судах с участием присяжных заседателей, данный показатель составляет более 10 %, что свидетельствует о демократичности и гуманности данного института», однако здесь же обычно замечается, что «общемировая статистика по уголовным делам такова, что в США процент оправдательных приговоров составляет 25-30 %, в Европе – около 20 %»¹².

Как видно, столь низкий процент оправдательных приговоров вряд ли свидетельствует о превосходстве отечественной системы правосудия в сравнении со странами Европы и США. Очевидно, что проблема, а точнее причины этой проблемы, скрыты в чем-то другом. Кроме того, указанный процент оправдательных приговоров существенно ниже не только по отношению к показателям стран с системой развитого правопорядка, но и по отношению к СССР времен так называемых «сталинских репрессий». Так, обвиняемых по ст. 58-10 (антисоветская агитация) во второй половине 1936 года судами было оправдано 8,1%, в 1937 г. – 2,4%, в 1938-м – 5,7%¹³.

Еще одной стороной использования социологических подходов к оценке уголовно-процессуальной деятельности выступает анализ статистических данных по отношению к итоговым решениям по делу, то есть с позиции оценки степени достижения задач уголовного процесса в масштабе всех зарегистрированных преступлений. Так, например, в феврале 2014 г. Научно-исследовательский центр «Институт проблем правоприменения» (г. Санкт-Петербург, Россия) опубликовал исследование под названием «Траектория уголовного дела в официальной статистике на примере обобщен-

ной статистики правоохранительных органов»¹⁴. Подобный анализ необходим, прежде всего, с позиции оценки реальной эффективности правоприменения в срезе конкретных правовых последствий: из сообщений, которые учтены как сообщения о преступлениях, только 18,3 % заканчиваются возбуждением уголовного дела, а 57,7 % – принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Из решений об отказе в возбуждении уголовного дела 94,9% обоснованы отсутствием состава или события преступления. 21,2% отказных материалов отменяются, но только каждая десятая из отмен заканчивается возбуждением уголовных дел. 22,9% уголовных дел, находящихся в производстве следователей и дознавателей в России, приняты к производству повторно. 26,9% от находящихся в производстве уголовных дел направляются в итоге в суд, из них 0,9 % возвращаются судами. Еще до попадания в суд прокуроры возвращают для дополнительного расследования 4 % уголовных дел.

Приведенные данные могут свидетельствовать о системной переориентации органов уголовного преследования на узковедомственные цели в ущерб декларируемым целям об обезопасении правопорядка и безопасности граждан. Кроме того, очевидно, что принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела служит завуалированной формой укрытия преступления, что уже послужило причиной специального указания на недопустимость подобных фактов в тексте Инструкции о приеме, регистрации, учете, в том числе в электронном формате, и рассмотрении заявлений, сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях, происшествиях (Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 12 сентября 2011 г. № 83), которая установила перечень основных нарушений учетно-регистрационной дисциплины:

- необоснованное возбуждение административного дела;
- списание материалов проверки в номенклатурное дело;
- необоснованная передача в суд материалов по делам частного обвинения;
- невыделение из уголовного дела материалов проверки и не принятие решения о возбуждении уголовного дела по фактам, имеющим признаки другого состава преступления;
- необоснованное приобщение материала доследственной проверки к другому материалу и непринятие по нему решения о возбуждении уголовного дела при наличии признаков состава преступления;
- необоснованное вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Сам перечень свидетельствует о том, что правоприменитель стремился использовать легитимные институты и процессуальные решения как форму укрытия преступлений от учета, что представляет собой предмет отдельного исследования в части изучения различных форм латентности уголовно-процессуальных нарушений.

Однако не всегда следователь будет развивать обвинительный уклон лишь из собственных соображений о нежелании изучать версии о невиновности, чтобы избежать кропотливой работы по поиску других фигурантов по делу. Достаточно часто такая позиция является следствием профессиональной деформации и выработывается в ответ на многочисленные и систематические по-

пытки подследственных противодействовать расследованию (ложные алиби, обеспечиваемые близкими родственниками или сожителями; постоянные изменения позиции по делу обвиняемым, а также содержания его показаний и т.п.). В этой связи, вполне возможно, что следователь просто привык игнорировать любые заявления о невиновности и непричастности к преступлению со стороны обвиняемого.

Эта область проблем заставляет нас выйти за рамки оценки проблемы только с позиции несовершенства процессуальной процедуры, так как законодатель по умолчанию ориентируется, в большинстве случаев, на добросовестного правоприменителя. При этом, в ситуации, когда правоприменитель действует в условиях системной переориентации органов уголовного преследования на узковедомственные цели такой подход не может являться основой объективной оценки ситуации и выработки полноценного решения как с законодательной, так и с организационной точек зрения.

Мы полагаем, что необходимо учитывать результаты специальных психолого-социологических экспериментов, показывающих некоторые закономерности поведения людей, находящихся в иерархическом подчинении по отношению друг к другу. Наиболее известным в этой сфере является широко известный эксперимент Стенли Милгрэма, которым установлена психологическая природа зависимости человека от авторитетов, результаты были опубликованы в статье «Подчинение: исследование поведения» («Behavioral Study of Obedience»), а позднее в книге «Подчинение авторитету: экспериментальное исследование» («Obedience to Authority: An Experimental View»)»¹⁵. Несомненный интерес представляет то, что 26 из 40 испытуемых показали готовность совершить действия, влекущие летальный исход для другого человека, просто потому, что действовали в условиях подчинения приказу или распоряжению и всю ответственность на себя за последствия условно брал тот, кто отдавал такие приказы или распоряжения.

Отражение рассматриваемого нами подхода, вынесенного в заглавие настоящей статьи, умозрительно может проявляться в конструировании отдельных процедур и институтов уголовно-процессуального права, усилении индивидуализации полномочий участников уголовного процесса и введения действенных механизмов защиты от ведомственной деформации принципов уголовного судопроизводства. Например, как представляется, роль начальников следственных отделов должна быть сведена к минимуму в уголовно-процессуальных отношениях, так как их административно-управленческая роль реализуется в следственной практике настолько гипертрофировано, что сегодня практически уничтожено само понятие процессуальной самостоятельности следователя.

Возможно, в части преодоления необратимости обвинительной траектории движения уголовного дела, ситуация изменится после принятия и введения в действие проекта нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, так как фигура следственного судьи будет отчасти сглаживать существующий дисбаланс состязательности.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо продолжить четкое функциональное разделение расследования и обвинения, чтобы не стремиться соединить объективность и беспристрастность с уголовным преследованием в обязанностях одного должностного

⁵Пен С. Г. Логика правоприменителя в уголовно-процессуальном правоприменении. // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право», № 3 (59) 2010. С. 218-221.

⁶Социологические исследования проблем обеспечения социалистической законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия МВД // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью: Проблемы уголовного процесса и судостроительства. № 39. Сост.: Бойков А. Д., Каминская В. И., Редкол.: Аржакова В. Н., Бойков А. Д., Гальперин И. М., Жогин Н. В. (Отв. ред.), Косоплечев Н. П., Попова С. И., Сафонова А. П., Устинова В. В.: М., 1973. – 82 с.

⁷См. например Хагуров Т. А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа): Автореферат дисс. ... доктора социологических наук. Москва, 2007. – 40 с.

⁸См. Гилинский Я. И. Запрет как девиантогенный фактор. Расширенный вариант доклада // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции 29-30 октября 2009 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ. С. 46-52.

⁹Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.; Гилинский Я. Девиантология. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 528 с.

¹⁰Гилинский Я. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е – 90-е гг. XX столетия. // Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века. СПбГУ, 2008. С. 101-123.

¹¹Пен С. Г. Попытки, как следствие иррационального в расследовании // Материалы круглого стола «Проблемы противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство обращениям или наказаниям». 11 ноября 2009 г. Болашак-Баспа: Караганда, 2009. С. 18-19.

¹²Алимбаев И. М. Обеспечение права на защиту в суде присяжных. Предложение по реформированию законодательства и правоприменительной практики // Международный круглый стол «Усиление роли адвокатуры в обеспечении конституционных прав и свобод граждан в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан». Астана, 28 февраля 2013 г. Астана, 2013.

¹³Киселев С. А. Факты против лжи о сталинских репрессиях. Режим доступа: <http://www.pkokprf.ru/personal/kiselev/represii.htm>.

¹⁴Шклярчук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике на примере обобщенной статистики правоохранительных органов / Под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панях. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2014. – 70 с. (Серия «Аналитический обзор по проблемам правоприменения»).

¹⁵Stanley Milgram. Obedience to Authority: An Experimental View. New York: Harper & Row, 1969.

лица – следователя. В свою очередь, это влечет и организационно-правовые последствия для реструктурирования всего уголовного процесса, однако если игнорировать комплексный подход, то в результате ничего, кроме еще нескольких декларативных норм мы не получим.

С. Г. Пен: Қылмыстық сот өндірісінің әлеуметтану аспектілері.

Мақалада әртүрлі процессуалдық шешімдерді қабылдаудың себептері туралы бірқатар авторлық тезистер ұсынылады. Автор зерттеушілердің назарын қылмыстық-процессуалдық құқық қолдану заңдылығына аударуды ұсынады. Заңды сақтау бойынша кепілдіктерді қатайтатын талаптар мен ережелерді көбейту күткендей пайда бермейді және қылмыстық-процессуалдық заңның дұрыс бағытта дамуына кедергі келтіреді. Мақалада құқық қолдану тәжірибесі заңнамаға кері әсер етіп, құқықты түзеткен жағдайлар қарастырылады.

Түйінді сөздер: қылмыстық-процессуалдық құқық, қылмыстық-процессуалдық кодекс, қылмыстық үдеріс, қылмыстың алдын алу, қылмыстық іс, әлеуметтану, құқық қолдану.

S. Pen. Sociological aspects of criminal proceeding process.

The article presents several author's abstracts of the reasons for the adoption of various procedural decisions. The author proposes to focus research on the laws of criminal procedure law enforcement. Increasing regulations and rules will toughen safeguards to comply with the law outside the context of the analysis of the obvious, lying on the surface, the causes of violations of any remedial order does not bring the desired effect and shifts the development of the criminal procedure law in the wrong direction. This paper studies cases where law enforcement is provided opposite impact on legislation and adjusts the right.

Keywords: criminal procedure law, criminal procedure code, criminal procedure, crime prevention, criminal investigation, sociology, law enforcement.

НОВЫЕ КНИГИ

Исследование преступлений террористического характера: практ. пособие / К.-К. Ж. Карбузов, Е. С. Тлеубаев. – Астана: Жаркын Ко, 2013. – 292 с.

В практическом пособии рассматриваются вопросы нормативного регулирования борьбы с терроризмом, уголовно-правовая характеристика преступлений террористического характера, раскрытие и расследование отдельных видов преступлений. В пособие включены образцы постановлений о назначении экспертиз, актов экспертиз, а также выписки из приговоров суда.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей юридических высших образовательных учреждений, курсантов и слушателей высших учебных заведений правоохранительных органов и спецслужб, оперативников, следователей и других практических работников Республики Казахстан.